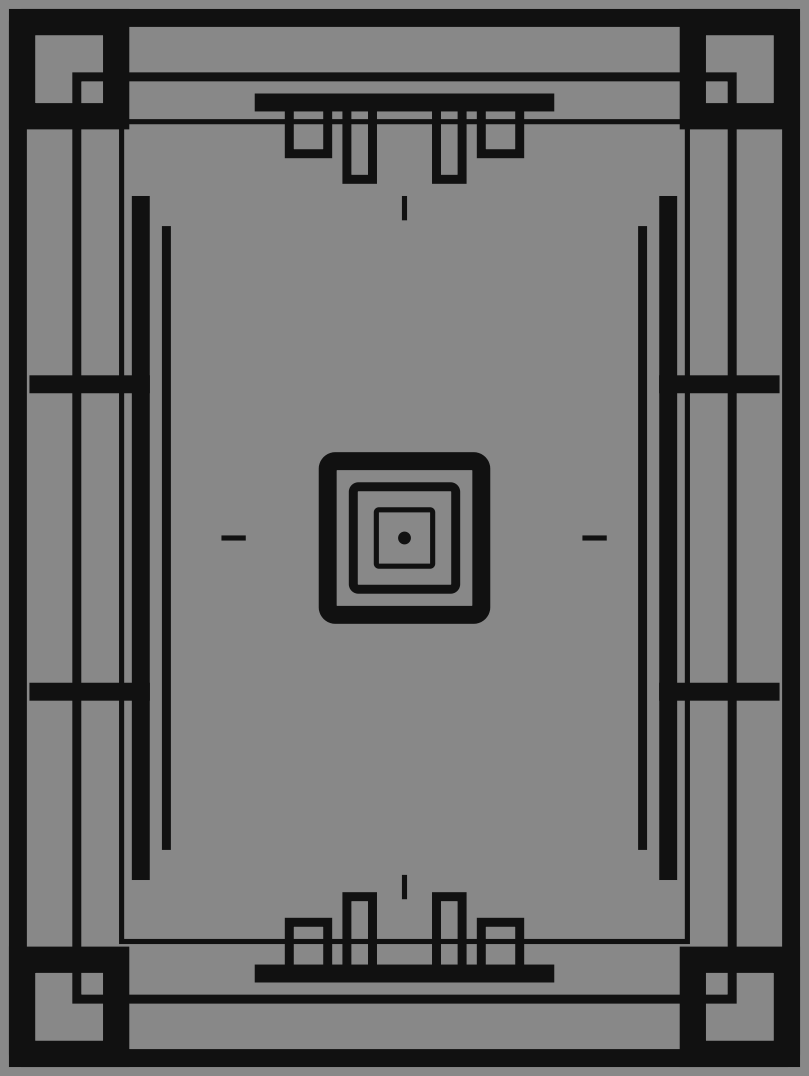

Если бы Бенни Цемоли не было
Филип Киндред Дик

Филип Киндред Дик. Если бы Бенни Цемоли не было

Филип Киндред Дик
Если бы Бенни Цемоли не было

Увидев появившуюся в небе махину, мальчишки, мчавшиеся по непаханому полю, заорали от восторга; все тип-топ, корабль опускается точно там, где и ожидалось, и они добрались к нему первыми.

— Ну и здоровый же, в жизни таких не видел! — задыхаясь, остановился первый из троих. — Это издалека, не с Марса. Совсем-совсем издалека, уж я-то знаю.

Только теперь разобравший истинные размеры корабля мальчик испуганно смолк. Подняв глаза к небу, он увидел, что опускается целая армада — все, как и ожидалось.

— Бежим, расскажем, — повернулся он к своим приятелям.

А тем временем на одном из ближних холмов Джон Леконт нетерпеливо ожидал, когда наконец шофер разогреет котёл его парового лимузина.

«Это же надо, — с плохо сдерживаемой яростью сказал он себе, — чтобы какие-то шпанята добрались туда первыми. А должен бы я».

Да и дети-то какие, все в лохмотьях, обычные крестьянские мальчишки.

— Ну а сегодня-то у вас телефон работает? — спросил он, не поворачиваясь.

Его секретарь мистер Фолл взглянул на пере-

носной столик.

— Да, сэр. Связать вас с Оклахома-Сити?

Уже вид мистера Фолла — самого тощего сотрудника ведомства Леконта за все время существования этого ведомства — показывал, что себе он не берет ничего; этот человек просто не интересовался пищей. И на него всегда можно было положиться.

— Просто возмутительно, — пробормотал Леконт. — Надо сообщить в иммиграционную службу.

Он вздохнул. Все не так, все не так. Прошло десять лет, с Проксимы Центавра прилетела целая армада, и хоть бы одна из систем раннего предупреждения обнаружила её вовремя. И вот теперь Оклахома-Сити придется иметь дело с чужаками здесь, на своем поле, — ситуация получалась крайне невыгодная психологически, и Леконт ощущал это очень остро.

«И какая у этих поганцев техника, — думал он, глядя, как транспортники флотилии начинают разгружаться. — Рядом с ними мы все равно что сельские лопухи».

Если бы этому автомобилю не требовалось двадцать минут разогреваться, если бы...

А самое главное — если бы не существовало

никакого ЦКОГа. Центаврианский Комитет Обновления Городов, обладавший, в дополнение к своим самым лучшим намерениям, еще и колоссальной, межзвездного масштаба властью, узнал о случившемся в 2170 году Несчастье и мгновенно рванулся в космос, словно некий фототропный организм, привлеченный вспышками водородных бомб. Однако Леконт прекрасно знал, что все тут значительно сложнее, что правительства Центаврианской системы поддерживали радиосвязь с планетами Солнечной системы и поэтому довольно подробно знают обстоятельства постигшей Землю трагедии. Из здешних форм жизни уцелело очень немногое. Сам Леконт происходил с Марса, семь лет назад он возглавил спасательную экспедицию, да так и остался на Земле — тут было очень много условий для роста, хотя, конечно, прочие условия...

«Сложно это, — сказал он себе, все еще ожидая, пока прогреется машина. — Конечно же, мы прилетели сюда первыми, но власти у ЦКОГа больше, нравится это нам или не нравится. Поработали мы хорошо, в этом я уверен. Конечно же, пока здесь совсем не то, что было раньше, но ведь десять лет — срок совсем небольшой. Дайте нам еще двадцать, и по рельсам побегут поезда. А

облигации последнего займа на восстановление дорог продавались просто великолепно, можно было выпустить их и побольше, а так не всем желающим хватило».

— Вас вызывает Оклахома-Сити, сэр, — сказал мистер Фолл, протягивая трубку полевого телефона.

— Верховный уполномоченный Джо Леконт слушает, — громко произнес в неё Леконт. — Давайте, я вас слушаю.

— С вами говорят из Комитета партии. — Сухой, официальный голос, доносившийся с другого конца провода, был еле слышен за треском помех. — Многие десятки бдительных граждан Западной Оклахомы и Техаса сообщают нам о широкомасштабном...

— Они здесь, — прервал его Леконт. — Я их вижу. Я как раз собираюсь ехать, чтобы провести переговоры с их руководителями. Полный доклад вы получите в обычное время, так что не было никакой необходимости меня проверять.

Он был крайне раздражен.

— Армада сильно вооружена?

— Нет. — Хотя собеседник не мог его видеть, Леконт отрицательно покачал головой. — Насколько я понимаю, прилетели бюрократы да

коммерсанты, одним словом — стервятники.

— Хорошо, — сказал партийный чиновник. — Поезжайте, и пусть они поймут, насколько нежелательно здесь их присутствие, как для местного населения, так и для Административного Совета по оказанию помощи пострадавшим от войны районам. Скажите им, что будет созвано законодательное собрание и что оно издаст специальный декрет, выражающий возмущение этим вмешательством межзвездной организации в наши внутренние дела.

— Знаю, знаю, — устало ответил Леконт. — Все это давно обсуждено, я все знаю.

— Сэр, — окликнул его шофер, — ваша машина уже готова.

— И доведите до их понимания, — заключил прерываемый треском голос партийного чиновника, — что вы не уполномочены на ведение переговоров, что не в вашей власти допустить их на Землю. Это может сделать только Совет, а он, конечно же, твердо стоит против.

Повесив трубку, Леконт торопливо направился к машине.

Несмотря на противодействие местных властей, представитель ЦКОГа Питер Худ решил расположить свою штаб-квартиру прямо на раз-

валинах НьюЙорка, прежней столицы Терры. Это должно придать дополнительный авторитет сотрудникам ЦКОГа, постепенно расширяющим область влияния своей организации. В конце концов эта область должна охватить всю планету, но на это могут потребоваться десятилетия.

А ко времени завершения этой задачи, думал Питер Худ, шагая среди развалин главного железнодорожного депо Нью-Йорка, сам он давным-давно уйдет на пенсию. От прежней цивилизации здесь осталось совсем немного, а местные руководители — все эти политические ничтожества, слетевшиеся сюда с Марса и Венеры (так вроде называются ближайшие к Терре планеты) — сделали крайне мало. И все же их усилия вызывают восхищение.

— А знаете, — обратился Худ к группе почтительно следовавших за ним подчиненных, — ведь они выполнили за нас всю самую трудную, черновую работу, мы должны в ножки им кланяться. Вы только подумайте, каково это — прийти на пустое место в полностью уничтоженную зону.

— Ну, они неплохо на этом поживились, — заметил один из сотрудников, Флетчер.

— Не важно, чем они руководствовались, — возразил Худ. — Результаты есть, и это самое

главное.

Он вспомнил чиновника, встретившего их в своем паровом автомобиле. Изукрашенная какими-то сложными орнаментами и эмблемами, машина выглядела весьма импозантно и официально. А вот их, этих местных, их-то никто не встречал сколько-то там лет назад, когда они прилетели сюда, — разве что повываливались из подвалов какие-нибудь почерневшие, опаленные радиацией бедолаги и поразевали рты в немом изумлении. Стоит только подумать — мурашки по коже.

— Сэр, — четким военным салютом прервал размышления своего начальника один из младших чинов ЦКОГа. — Нам удалось обнаружить неповрежденное сооружение, в котором могли бы временно разместиться вы и ваш штаб. Оно расположено под землей. — На лице говорившего появилось смущение. — Это совсем не то, на что мы надеялись... но все более приличное уже занято местными.

— Да, — согласился Худ, — у них было более чем достаточно времени на осмотр этих развалин. Но я не возражаю, вполне сойдет и приведенный в порядок подвал.

— В этом сооружении, — продолжил его под-

чиненный, — прежде располагалась одна из главных гомеостатических газет, «Нью-Йорк Таймс». Она печатала себя прямо здесь, под нами. Во всяком случае — если верить картам. Пока что мы не нашли саму газету, гомеогазеты чаще всего закапывались под землю на целую милю, даже глубже. Поэтому мы пока не знаем, что там уцелело.

— Если она жива, — сказал Худ, — это было бы бесценным подарком.

— Да. Её терминалы разбросаны по всей планете; она, как я понимаю, ежедневно выпускала тысячи различных изданий. Какая часть из этих терминалов функционирует?.. Трудно поверить, — перебил он сам себя, — что местные политики даже не пытались восстановить хотя бы одну из десяти или одиннадцати всемирных гомеогазет, однако так оно, видимо, и есть.

— Странно, — согласился Худ. — Ведь это так облегчило бы их задачу.

Радиация в атмосфере затрудняла, делала почти невозможным прием радио- и телевизионных программ, так что работа по собиранию в клочья разбитой водородными взрывами цивилизации полностью ложилась на газеты.

— И это настораживает, — обернулся он к своим

спутникам. — Может, они не очень-то и стараются? И вся их работа — чистое притворство?

— А что, если, — ответила Худу собственная его жена Джоан, — им попросту не хватает умения? Ведь запустить гомеогазету не так-то легко.

«Ты совершенно права, — подумал Худ. — Сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого».

— Так что последние выпуски «Таймс» вышли как раз в день Несчастья, — сказал Флетчер. — И с того самого момента вся огромная сеть, собиравшая новости и передававшая их в газету, простаивает. И никто не заставит меня с уважением относиться к этим политиканам; совершенно очевидно, что даже основные, первичные принципы культуры — для них темный лес. Возродив гомеогазеты, мы сделаем для восстановления довоенной цивилизации больше, чем они десятком тысяч жалких своих проэктиков.

И лицо его, и голос были полны презрения.

— Не знаю, возможно, вы и ошибаетесь, — сказал Худ, — но пока оставим это. Хотелось бы найти цефалон газеты в сохранности, его нам сейчас не заменить.

Впереди уже зиял чернотой вход, расчищенный бригадой ЦКОГа. Вот это, решил эмиссар Центав-

ра, и будет его первым шагом на опустошенной войной планете — надо вернуть прежние мощь и влияние этому огромному самообеспечивающемуся механическому организму. Возобновив свою деятельность, гомеогазета снимет с плеч Худа часть бремени, освободит ему руки для другой работы.

— Господи Исусе, — пробормотал один из продолжавших расчистку рабочих, — в жизни не видал столько хлама. Они его что, нарочно сюда натолкали?

От тяжело колотившейся в его руках всасывающей печи исходил тусклый красноватый свет. Весь попадающий в неё мусор печь преобразовывала в энергию, проход становился все шире и шире.

— Я хочу как можно скорее получить доклад о её состоянии, — обратился Худ к группе техников, ждавших возможности начать спуск под землю. — Сколько времени потребуется на восстановление, как много... — Он смолк, увидев две фигуры в черном. Служба безопасности, полицейские, прилетевшие на своем собственном корабле. В одном из подошедших Худ узнал Отто Дитриха, высокопоставленного следователя, сопровождавшего Центаврианскую армаду. Узнал и непроизвольно

напрягся; это давно стало безусловным рефлексом — было видно, как все рабочие и техники мгновенно замерли, а затем понемногу вернулись к своим прерванным делам.

— Да, — сказал он Дитриху. — Очень рад вас видеть. Давайте пройдем сюда и поговорим.

Худ прекрасно знал, что нужно следователю, ожидал его прихода.

— Я не стану отнимать у вас много времени, — сказал Дитрих. — Я понимаю, насколько вы заняты. А что это здесь такое? — Он огляделся. Круглое, до блеска выбритое лицо светилось живым, настороженным интересом.

В небольшом боковом помещении, превращенном во временный кабинет, Худ обернулся к полицейским.

— Я против каких бы то ни было преследований, — сказал он тихо и спокойно. — Все произошло очень давно, не надо их трогать.

— Но что ни говори, военные преступления — это военные преступления, — задумчиво подергал себя за мочку уха Дитрих. — И тут не имеет значения — десять лет прошло, тридцать или сорок. Да и вообще — о чем тут можно спорить? Закон требует, чтобы мы нашли и наказали виновных. Ведь кто-то начал эту войну. Не исклю-

чено, что те же самые деятели и сейчас занимают ответственные посты, но это не имеет никакого значения.

— Сколько у вас людей? — спросил Худ.

— Двести.

— Значит, вы готовы к действиям.

— Мы готовы начать следствие. Наложить секвестр на относящиеся к делу документы и возбудить дело в местном суде и — да, мы готовы силой обеспечить сотрудничество местного населения, если вы именно это имели в виду. Во многих ключевых точках размещены наши опытные сотрудники. — Сделав паузу, Дитрих внимательно посмотрел на Худа. — Все это — необходимые меры, и я не понимаю, в чем тут, собственно, проблема. Ведь вы же не намерены укрывать виновных — использовать в своих целях их так называемые способности?

— Нет, — бесстрастно ответил Худ.

— Почти восемьдесят миллионов погибших, вот что такое Несчастье, — начал раздражаться Дитрих. — Разве можно забыть об этом? Или вы думаете, что если они — обычные аборигены, не знакомые нам с вами лично...

— Дело совсем не в этом, — сказал Худ. Он знал, что все эти разговоры бесполезны, у полицейских

просто иначе устроена голова, общаться с ними практически невозможно. — Мои возражения были неоднократно изложены, я считаю, что организованные по прошествии столь долгого времени суды и казни не послужат никакой разумной цели. И не просите у меня для этих дел людей, я откажу на том основании, что все мои сотрудники заняты сверх головы — до самого последнего уборщика. Вы меня поняли?

— Ох уж эти идеалисты, — вздохнул Дитрих. — «Перед нами стоит сугубо благородная задача...» Восстановление, так? Вы либо действительно не понимаете, либо намеренно закрываете глаза на то, что однажды эти люди начнут все снова — если не принять нужных мер сегодня. На нас лежит ответственность перед грядущими поколениями, быть суровыми сейчас — это самое гуманное, если судить по большому счету. Скажите, Худ, что это за раскопки? Что пытаетесь вы возродить со столь похвальным рвением?

— «Нью-Йорк Таймс», — ответил Худ.

— Насколько я понимаю, у них должен быть архив. Мы сможем наводить в нем справки? Это неимоверно облегчит возбуждение судебных преследований.

— Я не имею права отказывать вам в доступе к

материалам, которые мы обнаружим, — пожал плечами Худ.

— Подробное, день за днем описание политических событий, приведших в конце концов к войне, будет крайне любопытным чтением, — улыбнулся Дитрих. — Кто, к примеру, был носителем верховной власти в Соединенных Штатах к моменту Несчастья? У меня создалось впечатление, что ни один человек из тех, с кем мы беседовали, как-то не может этого припомнить. — Его улыбка стала еще шире.

На следующий день рано утром во временный кабинет Худа поступил отчет инженерного корпуса. Силовое снабжение газеты оказалось полностью уничтоженным. Однако цефалон, центральный кибернетический мозг, управлявший всей гомеостатической системой, остался, по всей видимости, неповрежденным. Если подвести один из кораблей поближе, можно будет попробовать присоединить его силовую установку к линиям питания газеты. Если это удастся, то выяснится гораздо больше.

— Говоря попросту, — сказал Флетчер, — то ли выйдет, то ли нет. — Втроем, вместе с Джоан, они завтракали прямо за письменным столом Худа. — Весьма прагматично. Подключим, попробуем;

заработает — значит, мы выполнили свою работу. А если нет? Что тогда? Техники так все и бросят?

— По вкусу самый настоящий кофе, — задумчиво сказал Худ, рассматривая свою чашку. — Скажите им, чтобы подвели корабль и запустили эту гомеогазету. А если она и вправду заработает, принесите мне экземпляр, сразу.

Он снова отпил из чашки.

Часом позднее по соседству приземлился один из кораблей. Техники быстро сделали отводы от его энергетической установки, протянули кабели к гомеогазете, тщательно заизолировали все цепи.

Сидя в своем кабинете, Питер Худ услышал откуда-то снизу, из чрева земли, глухой низкий грохот. Там что-то зашевелилось — неуверенно, запинаясь, но — зашевелилось. Попытка оказалась удачной, газета возвращалась к жизни. Оттиск, принесенный вбежавшим в его кабинет рядовым, поразил Худа точностью описания событий. Даже пребывая в бездействии, газета каким-то образом сумела не отстать от жизни. Её рецепторы продолжали функционировать.

ЦКОГ ПРИЗЕМЛИЛСЯ

ПОСЛЕ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО ПОЛЕТА

С ЦЕНТАВРА: ПЛАНЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Через десять лет после постигшего нас Несчастья ядерной войны межзвездный спасательный орган, ЦКОГ, произвел историческую высадку на поверхность Земли. Свидетели описывают эту высадку, производившуюся целой армадой кораблей, как зрелище, «потрясающее как своим масштабом, так и своим значением». Назначенный Центаврианскими властями верховный координатор, сотрудник ЦКОГа Питер Худ незамедлительно разместил свою штаб-квартиру в развалинах Нью-Йорка. После совещания с ближайшими помощниками он сделал заявление: «Я прибыл не для того, чтобы наказать виновных, а чтобы всеми доступными методами возродить планетную цивилизацию, а также восстановить...»

«Жутковато как-то», — думал Худ, читая передовицу. Разнообразные информационные

рецепторы гомеогазеты проникли в его собственную жизнь, восприняли, переварили и использовали в передовой статье его беседу с Отто Дитрихом. Газета выполнила — выполняла — свою работу; её внимания не избегло ничто, достойное какого-либо интереса в качестве новости, даже приватный, без единого свидетеля разговор. Надо быть осторожнее.

Ну и, само собой, была другая статья, зловещая по своим интонациям, повествующая о прибытии карателей, полиции.

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ ОБЕЩАЕТ НАЙТИ «ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ»

Следователь по особо важным делам капитан полиции Отто Дитрих, прибывший с Проксимы Центавра на одном из кораблей армады ЦКОГа, заявил сегодня, что лица, повинные в происшедшем десять лет назад Несчастье, «ответят за свои преступления» перед Центаврианским судом. Как стало известно «Таймс», две сотни одетых в черное полицейских уже занялись расследованиями, целью которых...

Газета предостерегала Землю в отношении Дитриха, и Худ невольно почувствовал некое

мрачное удовлетворение. «Таймс» не собиралась служить оккупационному командованию. Она служила всем, в том числе и тем, кого Дитрих собирался судить. Каждый шаг полиции будет — без всякого сомнения — замечен и описан в мельчайших подробностях, что вряд ли приведет в восторг Дитриха, привыкшего работать в условиях полной тайны и анонимности. Но право решать, будет ли выходить газета, принадлежит Худу, и только ему.

А он не собирался её закрывать.

И тут его взгляд остановила еще одна статья, помещенная на первой полосе. Прочитав её, Худ нахмурился. Ему стало как-то не по себе.

СТОРОННИКИ ЦЕМОЛИ БУНТУЮТ В СЕВЕРНЫХ ПРИГОРОДАХ НЬЮ-ЙОРКА

Сторонники Бенни Цемоли, собравшиеся в уже знакомых нам палаточных городках, постоянно ассоциируемых с этой колоритной политической фигурой, имели стычку с местными жителями, вооруженными молотками, лопатами и кольями. Каждая из сторон заявляет, что именно она победила в этом двухчасовом сражении, после которого двенадцать человек были госпитализированы срочно организованными пунктами

скорой помощи, а еще двадцать получили более легкие повреждения. Цемоли, одетый, как и обычно, в похожий на тогу красный балахон, посетил пострадавших. Он пребывал в хорошем настроении, шутил и говорил своим сторонникам, что «теперь уже скоро» — явный намек на обещание организации устроить в ближайшее время марш на Нью-Йорк, чтобы установить, как выражается Цемоли, «социальную справедливость и истинное равноправие впервые в мировой истории». Нужно напомнить, что до своего заключения в Сан-Квентине...

— Флетчер, — сказал Худ, щелкнув тумблером интеркома, — проверьте, что происходит на севере округа. Там собралась какая-то политическая шайка, разузнайте о ней.

— Сэр, — донесся из динамика голос Флетчера, — у меня тоже есть эта газета. И я прочитал материал про Цемоли. Туда уже отправлен корабль, он в пути, и вы получите доклад не позже чем через десять минут. — Динамик смолк.

— А как вы думаете, — неуверенно спросил Флетчер после долгой паузы, — нужно будет привлекать людей Дитриха?

— Надеюсь, что нет, — коротко ответил Худ.

Получасом позднее Флетчер зачитал посту-

пившее с корабля сообщение. Не веря своим ушам, Худ попросил повторить. Однако все так и было. Экспедиционная группа ЦКОГа тщательно обследовала местность. Не обнаружилось ни палаточного городка, ни каких-либо иных признаков большого сборища людей. И ни один из допрошенных местных жителей никогда не слыхал фамилию Цемоли. Не оказалось также ни следов недавней стычки, ни станций скорой помощи, ни госпитализированных в них раненых. Только мирная, почти что сельская местность.

В полном недоумении Худ перечитал статью. Вот она, здесь, на первой полосе «Таймс», черным по белому, рядом с передовицей о приземлении Центаврианской армады. Ну и что бы это значило?

Странная ситуация не нравилась Худу, совсем не нравилась. А может быть, не надо было оживлять эту огромную старую гомеостатическую газету?

Ночью крепко спавшего Худа разбудил шум, исходивший, казалось, из самых недр земли, нетерпеливый лязг, становившийся все громче и громче, пока уполномоченный Центавра сидел на кровати, сонно моргал и пытался понять, что же, собственно, происходит. Машины ревели,

время от времени раздавался глухой грохот — это автоматические цепи становились на нужное место, повинуясь указаниям самой замкнутой, не подвластной никому системы.

— Сэр, — прозвучал в темноте голос Флетчера. Через мгновение помощник Худа нашел наконец выключатель, и под потолком вспыхнула лампочка. — Я подумал, что стоит вас разбудить. Извините, мистер Худ.

— Я и сам проснулся, — пробормотал Худ. Поднявшись с кровати, он надел халат и шлепанцы. — Что это она задумала?

— Она печатает специальный выпуск.

— Господи боже, — широко зевнула Джоан. — Что там могло случиться такого экстренного?

Сидя на кровати, она пыталась пригладить свои всклокоченные белокурые волосы.

— Нам придется привлечь местных руководителей, — сказал Худ. — Проконсультироваться с ними. — Он уже догадывался, о чем сообщит специальный выпуск, который с ревом выбрасывали печатные машины. — Доставьте сюда Леконта, этого самого политика, который встретил нас при посадке. Разбудите его и притащите, он нам нужен.

Потребовался чуть ли не целый час, чтобы

обеспечить присутствие высокомерного, церемонного местного князька; он и один из его помощников, оба в своей сложной опереточной форме и оба — кипящие от возмущения, были наконец доставлены в кабинет Худа. Они молчали, ожидая услышать, для чего их сюда привели.

Худ так и не сменил халат и шлепанцы на что-нибудь более пристойное; стоя перед письменным столом, он в который уже раз перечитывал специальный выпуск «Таймс»:

ПО СВЕДЕНИЯМ НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ПОЛИЦИИ, ЛЕГИОНЫ ЦЕМОЛИ ПРИБЛИЖАЮТСЯ К ГОРОДУ, ВОЗВОДЯТСЯ ЗАГРАЖДЕНИЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ ПОДНЯТА ПО ТРЕВОГЕ.

— Кто этот человек? — Повернув газету, он показал заголовки молча стоявшим землянам.

— Я... я не знаю, — чуть запнулся Леконт.

— Бросьте, мистер Леконт, — сказал Худ.

— Дайте я посмотрю, — нервно попросил Леконт. Он торопливо пробежал глазами статью; руки, державшие газету, заметно дрожали.

— Интересно, — сказал он в конце концов. — Но я могу сказать только одно — для меня это такая же новость, как и для вас. Вы должны понять, что после Несчастья у нас очень мало каналов полу-

чения информации, поэтому вполне возможно появление политического движения, о котором мы ровно ничего...

— Прошу вас, — прервал его Худ. — Не стройте из себя дурачка.

Леконт густо покраснел.

— Вы меня вытащили из постели посреди ночи, — сказал он, заикаясь от возмущения (или страха?). — И я пытаюсь помочь вам, чем только могу.

Послышались шаги, и через открытую дверь кабинета вошел, скорее влетел, Отто Дитрих. Выглядел он крайне мрачно.

— Худ, — торопливо, ни с кем не здороваясь, сказал полицейский. — Рядом с моим штабом есть киоск« «Нью-Йорк Таймс», и в нем только что появилось вот это.

Его рука сжимала тот же самый специальный выпуск.

— Чертова машина вовсю печатает эту бумажку и распространяет её по всему свету, так ведь? И в то же самое время наши ударные отряды, находящиеся на месте, не видят ровно ничего — ни перекрытых шоссе, ни передвижения вооруженных частей, да и вообще — никакой активности, заслуживающей внимания.

— Знаю, — отозвался Худ; он чувствовал себя очень усталым. А снизу, из-под земли, все так же доносился глухой рокот; газета печатала свой специальный выпуск, информируя весь мир о походе сторонников Бенни Цемоли на Нью-Йорк — призрачном, иллюзорном походе, возникшем, по всей видимости, прямо в цефалоне, мозге газеты. Выключите её, — сказал Дитрих.

— Нет, — покачал головой Худ. — Нет. Я хочу узнать больше.

— Это не причина, — возразил Дитрих. — Совершенно очевидно, что она неисправна. Серьезно повреждена, плохо функционирует. Придется вам подыскать что-нибудь другое для организации всемирной пропагандистской системы. — Он бросил газету на стол.

— А до войны, — повернулся Худ к Леконту, — известно вам что-нибудь о деятельности Бенни Цемоли до войны?

Наступила напряженная тишина. Леконт молчал, молчал и его помощник, мистер Фолл. Бледные, с плотно сжатыми губами, они искоса переглядывались.

— Я не самый большой сторонник полицейских методов, — сказал Худ, обращаясь к Дитриху, — но в данном случае вам стоило бы вмешаться.

— Вполне с вами согласен, — мгновенно оценил ситуацию Дитрих. — Вы двое находитесь под арестом. Если, конечно, у вас не появилось еще желания поговорить немного откровеннее об этом агитаторе, этом фантоме в красной тоге. — Он подал знак двум полицейским, стоявшим около двери кабинета.

— Если подумать, — сказал Леконт, не ожидая, пока полицейские подойдут к нему, — такой человек существовал. Однако он был крайне непримечательной личностью.

— До войны? — спросил Худ.

— Да, — медленно кивнул Леконт. — Это был клоун, всеобщее посмешище. Насколько я помню, а вспоминается уже с трудом, толстый безграмотный шут из какого-то захолустья. Было у него чтото вроде маленькой радиостанции, откуда он вел передачи. А еще он торговал какой-то такой антирадиационной коробочкой — устанавливаешь её у себя дома, и она якобы защищает тебя от радиоактивных осадков, — ну тех, которые появляются при ядерных испытаниях.

— Теперь и я вспомнил, — заговорил молчавший до того мистер Фолл. — Он ведь даже баллотировался в сенат ООН. Провалился, само собой.

— И это было последнее, что вы о нем слышали? — спросил Худ.

— Да, — ответил Леконт. — Вскоре он умер от азиатского гриппа. Он мертв уже пятнадцать лет.

Вертолёт медленно кружил над местностью, упоминавшейся в статьях «Таймс». Худ хотел лично, собственными глазами убедиться, что здесь нет никаких признаков политической активности. Не сделав этого, он не мог до конца поверить, что газета и вправду утратила всякое представление о действительности. Реальная ситуация ровно ничем не напоминала ситуацию, описываемую в статьях «Таймс», это было очевидно, и в то же время гомеостатическая газета продолжала стоять на своем.

— У меня тут с собой третья статья, — сказала сидевшая рядом с мужем Джоан. — Почитай, если хочешь.

Она держала в руках последний выпуск газеты.

— Нет, — отвернулся Худ. — Не хочу.

— Тут написано, они уже на окраинах города, — продолжала Джоан. — Они прорвали полицейские заграждения, и губернатор обратился за помощью в ООН.

— А вот у меня появилась мысль, — задумчиво сказал Флетчер. — Один из нас напишет письмо в «Таймс», лучше всего вы сами, Худ.

Худ вопросительно посмотрел на своего помощника.

— И я могу точно сказать, — объяснил Флетчер, — как оно должно выглядеть. Пусть это будет обычный запрос. Вы следили за публикациями о движении Цемоли. И вот вы пишете редактору, — он сделал паузу, — что прониклись сочувствием и хотите присоединиться к этому движению. И хотите узнать, как это сделать.

«Другими словами, — подумал Худ, — попросить газету связать меня с Цемоли. Да, в уме ему не откажешь, мысль блестящая, при всей своей дикости. В каком-то смысле Флетчер сумел ответить на сдвиг в мозгах газеты аналогичным — хотя на этот раз намеренным, хорошо продуманным — уходом от здравого смысла. Принять участие в этом бреде газеты. Если предположить, что Цемоли жив, здоров и руководит происходящим прямо сию минуту движением на Нью-Йорк, такой запрос будет вполне разумным».

— Простите мое невежество, — прервала его размышления Джоан, — но каким образом посылают письма в гомеогазету?

— Это я уже выяснил, — ответил Флетчер. — Каждый газетный киоск имеет щель для писем, она рядом с отверстием, куда кладешь монету при покупке газеты. Так было установлено законом, десятилетия назад, когда гомеогазеты только организовывались. От вашего мужа не нужно ничего, кроме подписи, письмо уже готово.

Засунув руку в карман куртки, он вытащил оттуда конверт.

Худ прочитал письмо. «Интересно, — мелькнула у него мысль, — значит, мы хотим присоединиться к восторженной толпе поклонников толстого шута».

— А не появится ли завтра заголовок "ГЛАВА МИССИИ ЦКОГ ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К ПОХОДУ НА СТОЛИЦУ ЗЕМЛИ?" — спросил он Флетчера. Черный юмор ситуации начинал доставлять ему какое-то странное удовольствие. — Ведь предприимчивая, знающая свое дело газета просто обязана вынести такое письмо на первую полосу.

Флетчер был озадачен. О таком повороте он, по всей видимости, не подумал.

— Пусть это письмо подпишет кто-нибудь другой, так, пожалуй, будет лучше, — неохотно признал он, немного помолчал и добавил: — Кто-

нибудь из ваших сотрудников. Ну, например, я.

— Вот так и сделайте, — согласился Худ, возвращая Флетчеру письмо. — Интересно, какая будет реакция, если она вообще последует.

«Письма редактору, — думал он. — Письма огромному, неимоверно сложному электронному организму, погребенному где-то в недрах земли, не ответственному ни перед кем, руководствующемуся исключительно указаниями собственных же управляющих цепей. Как этот механизм прореагирует на такое вот внешнее подтверждение его горячечного бреда? Вернется ли газета к действительности?»

Словно все эти годы вынужденного своего молчания газета спала и видела сны, а теперь, пробудившись, материализовала часть этих снов на своих страницах рядом с точными, продуманными описаниями действительного положения вещей. Какая-то дикая смесь беспочвенных фантазий и сухого, ни на йоту не отходящего от фактов репортажа. Какая часть этой смеси одержит верх, вытеснит другую? Без всяких сомнений, в ближайшее время сага о Бенни Цемоли доставит этого облаченного в красную тогу чародея, словом своим околдовывающего тысячные толпы, в Нью-Йорк — ведь заранее ясно, что ге-

роический поход увенчается успехом. Ну и что тогда? Как согласовать это с прибытием ЦКОГа, со всей его мощью и межзвездной властью? Как ни крутись, газете придется выбираться из этих противоречий.

Одному из двух отчетов о текущих событиях суждено исчезнуть... Только у Худа было неуютное предчувствие, что гомеогазета, десять лет питавшаяся одними снами, вряд ли захочет так вот просто расстаться со своими фантазиями. «Возможно, — думал он, — информация о нас, о ЦКОГе и его проектах возрождения Земли постепенно исчезнет со страниц «Таймс». День ото дня нам будет уделяться все меньше внимания, мы будем отодвигаться на последние страницы газеты, а в конечном счете останутся одни подвиги и приключения Бенни Цемоли». По не совсем понятной причине такая перспектива очень тревожила Худа. «Словно, — думал он, — мы реальны только тогда, когда „Таймс" о нас пишет, словно от нее зависит само наше существование».

Через двадцать четыре часа регулярный выпуск «Таймс» напечатал письмо Флетчера. На газетной странице письмо это выглядело довольно странно. Худу оно показалось до крайности натянутым и искусственным, трудно было поверить,

что гомеогазета попалась на такую неуклюжую подделку — однако вот оно, черным по белому, непостижимым образом умудрившееся пройти все стадии подготовки газеты:

«Уважаемый Редактор.

Ваше освещение героического похода на твердыню насквозь прогнившей плутократии Нью-Йорк зажгло в моем сердце энтузиазм. Каким образом может обычный, рядовой гражданин стать частью этой у нас на глазах вершащейся истории? Сообщите мне, пожалуйста, ибо я горю желанием присоединиться к Цемоли, чтобы делить с его сторонниками и их невзгоды, и их победы.

С наилучшими пожеланиями,

Рудольф Флетчер»

Чуть пониже письма следовал ответ гомеогазеты; Худ буквально впился в него глазами.

«Вербовочный пункт сторонников Цемоли расположен в нижнем Нью-Йорке по адресу: Нью-Йорк 32, Бликмен-стрит, 460. Обратитесь туда — если, конечно, полиция не успела еще запретить, ввиду текущего кризиса, балансирующую на самой грани закона деятельность этого пункта».

Нажав кнопку, Худ напрямую соединился со штаб-квартирой полиции.

— Дитрих, — сказал он, услышав голос следователя, — мне нужна группа ваших людей; нам предстоит небольшая поездка, в ходе которой могут возникнуть осложнения.

Последовала напряженная пауза.

— Так, значит, благородная задача восстановления цивилизации — это еще далеко не все, — сухо сказал в конце концов Дитрих. — Ну что же, мы уже послали человека присматривать за этим домом по Бликмен-стрит. Правду говоря, я восхищен вашей последней выдумкой, вполне возможно, что она достигла цели. — Полицейский коротко хохотнул.

Примерно через час вертолет с Худом и четырьмя одетыми в черную форму центаврианскими полицейскими на борту уже кружил над развалинами Нью-Йорка, пытаясь с помощью карты найти то, что было когда-то Бликмен-стрит. Еще через полчаса улицу нашли.

— Здесь, — указал вниз капитан полиции, командовавший патрулем. — Думаю, вам нужен вон тот дом, где овощная лавка.

Вертолет начал опускаться.

Это и вправду был магазин. Худ не заметил вни-

зу никаких признаков политической активности, никаких неизвестно чем занятых личностей, никаких флагов и транспарантов. И все же — что-то зловещее было во всей этой заурядной обстановке. Ящики с овощами, сваленные на тротуаре, измученные, некрасивые женщины в длинных, потертых пальто, копающиеся в подгнившей картошке, немолодой хозяин в грязном белом переднике, шваброй подметающий тротуар. Все слишком уж просто и естественно. Слишком заурядно.

— Садиться? — спросил капитан.

— Да, — ответил Худ. — И будьте наготове.

Увидев приземляющийся рядом вертолет, хозяин аккуратно прислонил швабру к стене и пошел навстречу выскакивавшим на землю полицейским. Усатый грек (так определил национальность хозяина Худ) с седыми, чуть волнистыми волосами смотрел на неожиданных гостей с какой-то врожденной опаской, словно знал заранее, что ничего хорошего ждать от них не приходится. И все же он решил встретить их со всей вежливостью, он их не боялся.

— Джентльмены, — слегка поклонился грек, — чем могу быть полезен?

Задержавшись взглядом на незнакомой черной

форме центаврианских полицейских, он, однако, не выказал никакой реакции, выражение лица его осталось спокойным и доброжелательным.

— Мы пришли арестовать политического агитатора, — сказал Худ. — Вам не о чем беспокоиться.

Он направился к лавке; полицейские, с оружием на изготовку, двинулись следом.

— Политическая агитация? Здесь? — удивился грек. — Вы что-то перепутали, у нас такого не бывает.

Тяжело дыша, он забегал вперед, пытался поймать взгляд Худа.

— Что я такого сделал? — теперь в его голосе звучала тревога. — Я ни в чем не виноват, можете сами убедиться. Заходите. — Распахнув дверь, он пропустил Худа и полицейских в свою лавку. — Смотрите все сами.

— Вот это мы и намерены сделать, — сказал Худ. Двигаясь очень быстро, он не стал тратить время на торговое, доступное для всех помещение, а сразу прошел в подсобку.

Самый обычный склад, вдоль всех стен штабеля картонных коробок, скорее всего — с консервами, какой-то молодой парень пересчитывал запасы; подняв голову, он уставился на вошедших, на лице — удивление и испуг.

«И здесь ничего, — подумал Худ, — хозяйский сын занимается своей работой, а больше — ничего». Открыв одну из коробок, он заглянул в нее. Жестяные банки с персиками. Рядом — корзина салата. Худ рассеянно оторвал один листик, он остро ощущал бессмысленность происходящего — и разочарование.

— Ничего нет, сэр, — негромко, чуть не шепотом сообщил ему капитан.

— Вижу, — раздраженно откликнулся Худ.

Справа — дверь в чулан; открыв её, он увидел швабры, метлу, оцинкованное ведро, коробки стирального порошка и...

На полу виднелись капли краски. Стенки чулана перекрашивались совсем недавно. Наклонившись, Худ поскреб ногтем одну из капель и почувствовал, что краска еще липкая.

— Поглядите сюда, — подозвал он капитана.

— В чем дело, джентльмены? — нервно заговорил грек. — Вы что, нашли какую-то грязь и хотите доложить об этом в санитарную инспекцию? Неужели покупатели нажаловались? Ну да, краска тут совсем свежая, мы стараемся держать все в полном порядке. Ведь это же в интересах общества, верно?

Протиснувшись в чулан, капитан ощупал его

стенки.

— Мистер Худ, здесь была дверь. Она заделана, и совсем недавно. — Он вопросительно оглянулся на Худа, ожидая дальнейших указаний.

— Вскрывайте, — сказал Худ. — Сейчас же.

По приказу капитана полицейские притащили из вертолета инструменты, затем раздался надсадный вой — пила начала резать дерево и штукатурку.

— Это неслыханно, — сказал побледневший грек. — Я подам на вас в суд.

— Правильно, — согласился Худ. — Обязательно подайте на нас в суд.

Наконец послышался громкий треск, вырезанная часть стены обрушилась, на пол посыпались обломки и какой-то мусор, взметнулось и стало медленно оседать белое облако пыли.

Ручные фонарики полицейских осветили комнату, довольно небольшую. Ни одного окна, пыль, затхлый запах... «Её никто не использует, — подумал Худ, осторожно проходя внутрь. — И очень давно».

Комната оказалась совершенно пустой. Стены деревянные, грязные, краска на них шелушится. Нечто вроде заброшенного склада.

Возможно, до Несчастья ассортимент в этом

магазине был побогаче, ведь тогда было гораздо больше товаров, а теперь эта комната стала ненужной. Худ обошел её, освещая фонариком то потолок, то стены, то пол. На полу — дохлые мухи... и несколько живых, неуверенно ползающих в пыли.

— Имейте в виду, — произнес капитан, — что её замуровали совсем недавно, в течение последних трех дней. Во всяком случае, стенку красили никак не раньше.

— Мухи, — указал на пол Худ. — Они еще не успели сдохнуть.

Так что даже и не три дня. Вполне возможно, что эту перегородку сделали вчера.

«Интересно, чем они занимались в этой комнате? — Он посмотрел на грека, тоже вошедшего в комнатушку. Бледное, напряженное лицо, черные, озабоченно бегающие глаза. «А ведь это, — неожиданно для себя понял Худ, — очень умный человек. И вряд ли мы сумеем что-нибудь у него узнать». В дальнем конце комнаты полицейские фонари высветили стеллаж, пустые полки, сколоченные из грубых некрашеных досок.

Худ подошел к стеллажу.

— Хорошо, — хрипло сказал грек и судорожно сглотнул. — Я признаюсь, мы хранили здесь

самогон. А потом мы испугались. Ведь вы, центаврианцы... — Во взгляде, которым он обвел их, стоял страх. — Вы совсем не такие, как наше местное начальство. Их мы знаем, и они нас понимают. Вы же — до вас разве доберешься. А на жизнь надо зарабатывать.

Грек раскинул руки в мольбе и отчаянии, но Худ смотрел не на него. Из-за стеллажа что-то торчало, высовывалось едва-едва, можно было и вообще не заметить. Какая-то бумага, завалившаяся туда, почти скрывшаяся из виду. Взяв бумагу за угол, Худ осторожно её вытащил — и скорее почувствовал, чем увидел, что грек содрогнулся.

Это был портрет. Грузный мужчина средних лет, жирный, обвисший подбородок, покрытый черной многодневной щетиной, застывшие в наглой, вызывающей усмешке губы. Высокий, одетый в какую-то полувоенную форму. Когда-то этот портрет висел на стене, люди приходили сюда, смотрели на него, отдавали ему дань уважения. Худ знал, кто это. Бенни Цемоли в расцвете своей политической карьеры. Вождь, хмуро взиравший на своих собиравшихся здесь последователей. Вот он, значит, какой.

Неудивительно, что «Таймс» так переполошилась.

— Вы знаете, кто это такой? — спросил Худ хозяина лавки, повернув к нему портрет. — Отвечайте.

— Нет, нет. — Большим красным платком грек вытер с лица неожиданно выступивший пот. — Не имею представления.

Он лгал, и довольно неумело.

— Вы последователь Цемоли, так ведь? — спросил Худ.

Грек молчал.

— Заберите его, — повернулся Худ к капитану. — И можно возвращаться.

С портретом в руке он вышел из комнаты.

«Значит, статьи „Таймс" не фантазия, — думал Худ, глядя на лежащий перед ним портрет. — Теперь мы знаем правду, Бенни Цемоли — реальная личность, а двадцать четыре часа назад вот это его изображение висело на стене, у всех на виду. И висело бы до сих пор, не появись на сцене ЦКОГ. Мы их спугнули. Людям Земли есть что от нас скрывать, и они это понимают, они принимают свои меры, быстро и эффективно, и нам очень повезет, если мы сможем...»

— Так, значит, у них и вправду был сборный пункт на Бликмен-стрит, — прервала его мысли Джоан. — Газета не ошибалась.

— Да, — кивнул Худ.

— А где теперь этот человек?

«Хотел бы я знать», — подумал Худ.

— Дитрих уже видел эту картинку?

— Пока нет, — ответил Худ.

— Начало войны лежит на его совести, — сказала Джоан, — и Дитрих обязательно это узнает.

— Эта вина, — вздохнул Худ, — не может лежать ни на каком одном человеке.

— Но его роль была существенна, — настаивала Джоан. — Именно поэтому они прикладывают столько усилий, чтобы скрыть любые следы его существования.

Худ молча кивнул.

— Если бы не «Таймс», — продолжала Джоан, — разве могли бы мы догадаться, что была когда-то такая политическая фигура — Бенни Цемоли? Мы многим обязаны этой газете. Они забыли про неё, а может — не сумели до неё добраться. Возможно, так вышло из-за спешки, они никак не могли продумать абсолютно все, даже за десять лет. Трудно, вероятно, уничтожить всё, связанное с политическим движением всепланетного масштаба, особенно если вождь этого движения сумел — в самом конце — захватить абсолютную власть.

— Не трудно, а невозможно, — возразил Худ:

«Спешное заколачивание пустого склада на задах продуктового магазина, принадлежащего какому-то греку... и этого хватило, чтобы мы узнали то, что хотели узнать. Теперь люди Дитриха сделают все остальное. Если Цемоли жив, они найдут его в конце концов. А если он умер — их будет очень трудно убедить в этом, насколько я знаю Дитриха. Тогда они никогда не оставят свои розыски».

— И хорошо, — сказала Джоан, — что невинные люди смогут чувствовать себя в безопасности. Дитрих не будет их преследовать, он будет искать Цемоли.

«Верно, — подумал Худ. — И это очень важный момент. Теперь Центаврианская полиция будет занята, полностью и надолго — к вящей радости всех, в том числе и ЦКОГа с его амбициозной программой возрождения планеты.

«Если бы Бенни Цемоли не было, — думал он, — его нужно было бы выдумать, даже не просто нужно, а необходимо». Странная мысль... и как это она пришла ему в голову? Он снова вгляделся в портрет, пытаясь извлечь как можно больше из этого плоского изображения. Как звучал голос Цемоли? Что помогло ему пробиться к власти? То же самое красноречие на митингах, которое верно служило стольким прошлым демагогам? И

его писания... возможно, что-нибудь из них удастся найти. Или даже магнитофонные записи его речей, настоящий его звук. А то и видеозаписи. В конце концов все это выплывет на свет, вопрос только во времени. «И вот тогда, — подумал Худ, — мы сможем сами познакомиться с ощущением — каково это, жить в тени подобного человека».

Загудел аппарат, связанный с ведомством Дитриха. Худ взял трубку.

— У нас тут этот грек, — начал Дитрих. — Под наркотиком он сделал целый ряд признаний, вам, наверное, будет интересно.

— Да, — согласился Худ.

— Он признал, — продолжал Дитрих, — что участвует в Движений уже семнадцать лет, такой себе старый закаленный борец. В самом начале, когда Движение было еще маленьким и слабосильным, они устраивали собрания на задах его лавки, два раза в неделю. Этот самый портрет, что у вас, — я его, конечно, не видел, но Ставрос, наш греческий приятель, рассказал мне о нем — так вот, этот портрет в действительности сильно устарел, в том смысле, что теперь верные и преданные сторонники Цемоли отдают предпочтение другим, сделанным позднее. Ставрос придерживается этого по причинам сугубо сенти-

ментального свойства. Портрет напоминал ему о старых добрых днях. Потом, когда Движение выросло, Цемоли перестал появляться в лавчонке, и наш грек утратил с ним всякий личный контакт. Он продолжал платить взносы, остался лояльным членом Движения, но оно стало для него чем-то несколько абстрактным.

— А что насчет войны? — спросил Худ.

— Совсем незадолго до войны Цемоли осуществил государственный переворот и захватил власть здесь, в Северной Америке, — посредством похода на Нью-Йорк в условиях жесточайшей экономической депрессии... миллионы безработных, многие из которых поддержали этого демагога. Он попытался решить экономические проблемы, ударившись в агрессивную внешнюю политику — напал на несколько латиноамериканских республик, находившихся в сфере влияния Китая. С этого, похоже, все и началось, хотя Ставрос не слишком точно представляет себе, как разворачивались события. Придется поискать других охотников поделиться своими воспоминаниями — и помоложе, ведь этому, как ни говори, уже больше семидесяти.

— Вы не намерены, надеюсь, его привлекать? — спросил Худ.

— О, ни в коем случае. Этот грек — всего лишь источник информации; выложит нам все, что может, — и пусть возвращается к своему луку и картошке. Он абсолютно безвреден.

— А Цемоли, он пережил войну?

— Да, — ответил Дитрих. — Но с того времени прошло десять лет, и Ставрос не знает, жив сейчас этот человек или нет. Я лично считаю, что жив, и мы будем исходить из такого предположения, пока не докажем обратное. Это наша обязанность.

Худ поблагодарил Дитриха и положил трубку.

Отворачиваясь от телефона, он услышал возникший в глубине земли низкий глухой рокот. Гомеогазета снова вернулась к жизни.

— Это не обычный выпуск, — взглянула на свои часы Джоан. — Значит, снова специальный. Все это просто захватывает, мне уже не терпится посмотреть, что будет на первой странице.

«Что же еще такого сделал Бенни Цемоли? — думал Худ. — Согласно „Таймс" и её смещенной во времени эпической хронике жизни этого человека. Какой стадии достигли события, разворачивавшиеся в действительности много лет назад? Какой-то критически важной, судя по спецвыпуску, и интересной, тут уж сомневаться не приходится — „Таймс" знает, что такое насто-

ящие новости».

Ему тоже не терпелось развернуть газету.

На окраине Оклахома-Сити Джон Леконт опустил монету в щель киоска «Таймс», стоявшего здесь с незапамятных времен. Из другой щели выскользнула газета, он взял ее и пробежал глазами по заголовку — быстро, улавливая только самую суть. Затем он пересек тротуар и снова опустился на заднее сиденье парового автомобиля.

— Сэр, — осторожно сказал мистер Фолл, — здесь первичный материал, если вы захотите провести подробное, слово за словом, сравнение.

Леконт взял у него папку.

Машина тронулась с места; не дожидаясь указаний, шофер свернул в сторону Комитета партии. Откинувшись на сиденье, Леконт закурил сигару.

Газета лежала у него на коленях, огромные буквы заголовка буквально кричали:

ЦЕМОЛИ ВОШЕЛ

В КОАЛИЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ООН.

ВРЕМЕННОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ

— Мой телефон, пожалуйста, — повернулся к

секретарю Леконт.

— Да, сэр. — Мистер Фолл протянул ему портативный полевой телефон. — Но мы уже почти приехали. И, если вы простите мне мою смелость, всегда остается возможность, что они нас подслушивают.

— У них хватает дел в Нью-Йорке, — сказал Леконт. — Среди развалин.

«В зоне, — добавил он про себя, — которая на моей памяти никогда не имела ровно никакого значения». Однако совет мистера Фолла не был лишен смысла, Леконт решил не звонить.

— И что вы думаете об этом последнем материале? — спросил он секретаря, демонстрируя ему газету.

— Заслуживает самого высокого одобрения, — кивнул мистер Фолл.

Открыв свой портфель, Леконт извлек потрепанную, лишенную переплета и титульного листа книжечку. Её изготовили всего час назад, и ей предстояла роль следующего артефакта, который, к радости своей, обнаружат интервенты с Проксимы Центавра. Книжечка была его собственным детищем, и он заслуженно ею гордился. Подробнейшее изложение составленной Цемоли программы социальных реформ, революция,

описанная доступным и школьнику языком.

— Позвольте поинтересоваться, — сказал мистер Фолл, — входит ли в намерение партийного руководства позволить им обнаружить труп?

— Со временем, — ответил Леконт. — Но не раньше, чем через несколько месяцев.

Он вынул из кармана карандаш и написал на потрепанной книжице — коряво, почерком малограмотного человека:

ДОЛОЙ ЦЕМОЛИ!

«А не перебор ли это? Нет, — решил он. — Обязательно будет сопротивление. И конечно же — детского, спонтанного рода». Подумав, он добавил:

ГДЕ АПЕЛЬСИНЫ?

— А что значит это? — заглянул через его плечо мистер Фолл.

— Цемоли обещал детям апельсины, — пояснил Леконт. — Еще одна пустая похвальба, из тех, которые ни одна революция никогда не выполняла. Это придумал Ставрос, как-никак, а он торговец овощами. Очень изящный штрих.

«Который, — подумал он, — придает этому еще

одну щепотку дополнительного правдоподобия. Вот такие-то мелкие штрихи и определяют успех».

— Вчера, — сказал мистер Фолл, — я слышал в Комитете пленку, которую только что сделали. Цемоли выступает в ООН. Жутковатое впечатление, а если не знать...

— Кто её делал? — спросил Леконт, несколько удивившись, почему к такому делу не привлекли его.

— Какой-то здешний, из Оклахома-Сити, артист, весьма малоизвестный, конечно же. Выступает, насколько я понял, по ночным клубам и специализируется в пародийном жанре. Произнес свою речь в напыщенной, угрожающей манере — немного перестарался, по моему мнению, но впечатление производит. Крики из зала, шум толпы... я получил искреннее удовольствие.

«А тем временем, — думал Леконт, — не будет никаких судов над военными преступниками. И мы, бывшие во время войны руководителями, на Земле и на Марсе, мы, занимавшие самые ответственные посты, мы окажемся в безопасности, по крайней мере — на время. А возможно — и навсегда. Если наша стратегия сработает. И если никто не обнаружит тоннель к цефалону

гомеогазеты, на который ушло пять лет труда. И если этот тоннель не обвалится». Паровой автомобиль остановился перед Комитетом партии, на специальной стоянке. Шофер обогнул машину, открыл дверь, и Леконт вышел наружу, под яркое дневное небо. Он не чувствовал ни малейшей тревоги. Выбросив сигару в канаву, он легким шагом пересек тротуар, направляясь в знакомое здание.